

П.Ю. Саух
Житомир
Ю.П. Саух
Киев

МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ: БЛЕСК ТЕОРИИ И ПРАКТИЧЕСКАЯ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОЕКТА В ДИСКУРСЕ РЕАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

В статье осуществлена попытка интерпретации нового плюралистического типа цивилизации, где происходит не только усложнение типов идентификации, но и приумножения групп идентичности (профессиональных, гендерных, региональных и т.д.). В этой связи раскрыты реальные возможности теории мультикультурализма и обоснована практическая несостоятельность его стратегий. Доказано, что для гармонии полюсов формулы «единство мира и разнообразие культур» нужен новый алгоритм – антрополого-культурологический, центром тяжения которого должна стать не та или иная национальная, этническая, религиозная либо другая группа, а личность как либеральная ценность, имеющая право свободного выбора.

Ключевые слова: *глобализация, мультикультурализм, идентичность, глокализация, толерантность, поликультурное образование, ацентризм.*

Мир, в котором мы живем, на рубеже тысячелетий вступил в полосу глубочайших изменений, в процессе которых перестраивается и будет дальше перестраиваться вся наша жизнь. Раскрученный до максимальных оборотов маховик изменений и трансформаций затронул и готов деформировать различные сферы существования человека и человечества. Это взаимоотношения между человечеством и планетой; взаимодействие между государствами, каждое из которых ищет свои пути в будущее и вместе с тем не может не считаться с интересами других народов и государств. Это борьба социальных групп и противостояние религий, во взаимоотношениях которых пробивает себе дорогу осознание того, что у человечества общая судьба и его общечеловеческие ценности и идеалы должны выйти на первое место, стать основными во взаимодействии между людьми. Это высокие темпы научно-технического прогресса, который далеко не однозначно влияет как на условия нашей жизни, так и на нас самих. Другими словами, у нас на глазах возникает действительно новый мир, который проявляется в новых технологиях, в новых формах жизни, в новых способах мировидения и миропонимания, а главное – в тех глобальных опасностях, в которых разворачивается противоречие между новыми реалиями нашего существования и устоявшимися формами и способами отношения к этому миру. Не случайно перед обществом стоит такая острая проблема адаптации к глобальным изменениям, формирование нового мировоззрения, которые бы отвечали новой эпохе.

Еще не так давно, в конце XX века, многие верили, что вековые надежды о достижении человечеством высокого уровня толерантного единства и гуманизации начинают сбываться. Эти надежды, между прочим, связывали с процессами глобализации, которые представлялись многим ученым и политикам важнейшим фактором устранения постоянных международных конфликтов и развития общечеловеческой интеграции. Однако вскоре выяснилось, что глобализация не только разрушает, но и консервирует планетарную иерархию народов, государств и культур. Особенную остроту в контексте глобализационных процессов приобретает турбулентность реальных тенденций культурного самоопределения и саморазрушения. То есть глобализация культур становится наиболее проблематичной частью культурного взаимодействия [8].

Глобализация как материализация универсализации мира, его гомогенизация, оказывается, не снимает, а обостряет геополитическое противостояние, национально-этническую нетерпимость и межнациональные противоречия, противостояние культур и мировых религий. И, если говорить откровенно, эту дезинтеграцию и сложные процессы межкультурного взаимодействия не способны преодолеть ни Организация Объединенных Наций, ни другие международные организации, особенно когда речь идет о глубинных мотивах и установках масс людей и их объединений, которые сформировались исторически. Корни всех этих процессов лежат в глубинах культурно-ментальной несовместимости, которую можно либо заострить, либо найти механизм смягчения. «Культуры, – как справедливо отмечал С.Б. Крымский, – монадологичны, замкнуты» [5, с.28]. Каждая из них имеет свои ценности, моральные императивы и психологию, которые формировались тысячелетиями. Глобальная культура не может вытеснить культурное разнообразие. Оно практически не универсализируется.

Однако противостоять объективным процессам глобализации означало бы примерно ту логику действий, согласно которой не строят громоотвод, а создают общество по борьбе с молнией. Эти процессы необратимы, как бы кому-то не хотелось расовой, культурной или религиозной «чистоты». В будущем мы обречены жить в «едином доме», выстроив мощный фундамент межкультурного сосуществования. Для того, чтобы это сделать и избежать культурной и цивилизационной конфронтации, должна работать формула *«единство мира и разнообразие культур»*. Но результативность ее решения во многом зависит от того, насколько удачно формируется баланс между полюсами этой формулы. Поисками такого баланса несколько последних десятилетий занимаются политики, философы, культурологи, социологи. Их результатом, как известно, стала теория мультикультурализма, которая обосновывает идеалы культурного плюрализма, гармоничного сосуществования разных культур, их равенства и одинакового права на жизнь. Однако реализация теории мультикультурализма средствами политики, вызывает немало проблем. Выясняется, что формула *«единство мира и разнообразие культур»*, а отсюда и задекларированные

мультикультурализмом жизненно важные воспитательные и образовательные стратегии, не имеют простого «технического» решения, требуют повышенного внимания и философского, концептуального осмысления.

*Мультикультурализм: блеск теории
и практическая несостоятельность проекта*

Признать культурное разнообразие и право каждой национальной либо культурной (субкультурной) общности на культурное самоопределение – это только полдела. Для того, чтобы теория мультикультурализма имела практический смысл, важно, чтобы различные культуры имели возможность принимать участие во всех современных мировых процессах, а для этого они должны иметь равноправные позиции, по крайней мере, в основных жизненно творческих императивах. Ведь несмотря на то, что разные культуры имеют далеко неодинаковые возможности по своему влиянию, каждая из них не желает, чтобы ее просто *терпели*. «Любить, – отмечал Антуан де Сент-Экзюпери, – не значит смотреть друг на друга, это значит смотреть и двигаться в одном направлении» [8]. Любая культура рассматривает свои базисные ценности как универсальные (если она не будет этого делать, то просто исчезнет как самостоятельная культура!) И желает, чтобы с ней считались. Толерантность – это, безусловно, ценность, но ценность промежуточная. Никто не желает, чтобы его только терпели. Культурная самобытность желает большего: уважения, доверия, симпатии. Ведь что значит терпеть? Терпеть – означает мириться с «другим», «не моим», то есть терпеть то, что так или иначе мне не нравится. С какой целью, это – другой вопрос. Между прочим, веротерпимость, которая утвердилась как результат длительных средневековых войн, строилась именно на этом. Человек терпеливо (без каких-либо попыток насилия – и этим веротерпимость фактически исчерпывается), сосуществуя с представителем другой конфессии, размышляет: безусловно, он не прав, но Бог все видит, пусть живет, как живет. Однако сегодня другой мир, и толерантность уже не воспринимается достаточным условием гармонизации добрососедских отношений. Культурно «Иное» слишком глубоко проникает в жизнь современного человека и слишком много требует от него. Поэтому попытка мультикультурализма представить культурную терпимость как достаточное основание гармоничного взаимодействия различных культур ведет либо к однообразию, либо к прямым столкновениям и конфликтам.

Вот почему, когда начал осуществляться процесс перехода от добрых намерений идеологов мультикультурализма (сосуществование культур) к их практической реализации (взаимодействию культур), возникла реальность потери самобытности культур, которая стала причиной мощного движения – их локализации. Неслучайно многие критики мультикультурализма, обратив внимание на его ограниченность и конфликтогенность, окрестили мультикультурализм «новым типом модернизированного расизма» и методом «геттоизации» этнических групп (Ч. Тейлор, В. Лекторский). Такая

мысль, действительно, небезосновательна. Мультикультурная среда далеко не пространство свободы. «Неолиберальный «плюралистический» мультикультурализм создает обманчивую картину гармоничного разнообразия, которая не имеет ничего общего с реальностью, не учитывает угнетения и неравенства, которые, как и прежде, определяют культурную ситуацию в мире» [2, с. 185]. Опираясь на понятие нации в вопросах идентичности, человек попадает в сферу жесткой дифференциации «свой – чужой», которую Карл Мангейм характеризует как «ноологическое различие», что является препятствием коммуникации в обществе. Такой тип идентичности характеризуется герметичностью, поскольку по существу не предусматривает интеграции в систему чужеродных элементов.

Очевидно поэтому реализация мультикультурных проектов в политике многих стран мира, многочисленные рекомендации и директивы международных организаций (в том числе Совета Европы) относительно их практической реализации особенного успеха не имеют. И это правда. Показательной в этом отношении является речь канцлера Германии Ангелы Меркель на собрании молодежной организации Христианско-демократического Союза в октябре 2010 года, которая признала полный провал попыток построить мультикультурное общество в стране и призвала обеспечить культурную универсализацию меньшинств и не иметь больше иллюзий о перспективе их культурной самостоятельности. «Те, кто хочет стать частью нашего общества, – категорически заявила она, – должны не только придерживаться наших законов, но и говорить на нашем языке» [9, с. 4]. То есть здесь речь идет не об интеграции культур и даже не о «культуротерпении», а об *откровенной ассимиляции*. Между прочим, эту позицию по отношению к мультикультурализму безапелляционно поддержало большинство ведущих европейских государств, в частности Франция и Великобритания. Даже в Швейцарии, которую с полным правом следует считать позитивным примером политики мультикультурализма, которая сосредоточена на формировании единой политической нации из местных этнокультурных групп, не все так просто, как кажется на первый взгляд. Ведь здесь наряду с «внутренним мультикультурализмом» существует жесткая, сдерживающая политика мультикультурализма иммигрантского происхождения. Правительство Швейцарии небезосновательно считает, что иммиграция может разрушить хрупкое равновесие, которое сложилось в стране между этнолингвистическими группами, растворить швейцарскую идентичность, она нивелирует уникальную конфигурацию национальной культуры.

В связи с этим возникает целый ряд вопросов. Существует ли в этой ситуации альтернатива мультикультурализму? Предусматривает ли проект «единства мира» монокультурное общество и не является ли он утопией, сосредоточив в себе явные и латентные конфликты, вражду, ненависть, нетерпимость, расизм, ксенофобию, то есть все то, что осуждено демократическим мировым сообществом и от чего последнее уже отказалось? Для того, чтобы ответить на них, нужно обратить внимание на

реалии современного поликультурного мира с позиций постмодернистской системы координат. Это позволит понять, что «глобализация отрицает не уже существующие и давно созревшие национальные культуры, а возможность дальнейшего развития культуры в собственно национальной форме [7, с. 98].

Новый плюралистический тип цивилизации всячески стремится избегать какого-либо принуждения человека относительно принятия тех или иных ценностей, мировоззренческих ориентаций и жизненных стратегий. Человек здесь выстраивает модели идентичности, исходя из собственного разума и воли к восприятию и воспроизведению культурных смыслов. Вовлеченный в транснациональные сети, он уже не в состоянии оставаться в пределах собственной культуры. Возникают новые локальные общности, разделенные границами, которые не совпадают с национальными. Они объединяют людей не по национальной принадлежности, а по общности их культурных устремлений, которые выходят за границы одной нации. «Глобализация, – справедливо считает Вадим Межуев, – создает не национальную, а глобальную локальность и различает их в зависимости от сделанного культурного выбора» [7, с. 98]. То есть центром притяжения сегодня выступает не та или иная этническая или конфессиональная, культурная группа, а человек как либеральная ценность, который имеет право свободного выбора.

Возникает ситуация, когда государство теряет возможность контролировать на своей территории «чистоту матрицы» единого культурного образца. Мощные международные миграционные процессы разрушают культурный ландшафт современных стран (центры восточной медицины, студии «танца живота», разнообразные рестораны восточной, африканской и латиноамериканской кухни, арабские кофейни, восточные единоборства и т.п.). Под влиянием иммиграции трансформируется и духовная культура. Писатели, композиторы, режиссеры, продюсеры эмигрантской среды выходят за пределы устоявшегося национального миропонимания, деформируют его и обогащают новыми оттенками. И осуществляется это не без масштабного спроса на уникальность и отличие со стороны «титульных» культур. Даже государства с традиционно жесткими антииммиграционными законами не могут этому противостоять.

В современных поликультурных странах на сцену общественной жизни выходят «этнические актёры», которые не имели раньше шансов быть заметными. Здесь принадлежность к национальным меньшинствам становится своеобразной ценностью (Тибетская культура в Китае, шотландская в Великобритании, индианская в Северной Америке, баскская в Испании, татарская в Украине и т.д.). Общим для них является сохранение этнической самобытности вопреки ассимиляционному давлению со стороны государства. Не менее мощным является так же этническое противостояние национально-государственным проектам со стороны отдельных географических регионов. Формируется так называемая *региональная идентичность* (техассец, каталонец, сибиряк, донбассовец...), которая выступает одним из важных элементов конструирования современного

социокультурного пространства. Регион становится своеобразным брэндом в глобальных символических обменах, генерирует собственные подходы к вопросам взаимодействия с соседствующими странами, с мировым сообществом, минуя опосредствование национального. «Новый регионализм», другими словами, ставит под знак вопроса существующие классические символические границы, демонстрируя обращение локального к глобальному без участия национального.

Но наиболее примечательным в этой ситуации является то, что в культурной сфере начинают активно действовать агенты, не привязанные к национальным границам. Речь идет о транснациональных корпорациях, деятельность которых обуславливает то, что «посредничество государства между индивидом как потребителем культурных продуктов, с одной стороны, и производителями этих продуктов, с другой, перестает быть необходимым» [6, с. 125]. Происходит, так сказать, *усложнение механизмов идентификации*. Общественная и культурная «идентификация осуществляется через потребление» (Ж. Бодрийяр) [1], то есть она детерминирована не идеологической мобилизацией и политическим участием, а «доступом к удовольствию» (Н. Стивенсон) [12]. Нация как системообразующая общность, с которой традиционно идентифицировали себя индивиды, как бы размывается, перестает быть единой культурной матрицей. Национальная идентичность теперь сосуществует рядом с профессиональной, гендерной, религиозной, региональной. Осуществляется *приумножение групп идентичности*, которые формируются как на идеологических, мировоззренческих, так и на жизненно-стилистических основаниях (феминизм, пацифизм, анархизм, правозащитное движение).

Все выше очерченные, фактически не контролируемые, процессы формируют сегодня не столько национальную, сколько глобальную локальность, алгоритм которой зависит от индивидуального культурного выбора человека. Для обозначения этого нового типа культурной общности известный английский социолог Роланд Робертсон ввел специальный термин «глокализация», который фиксирует два взаимосвязанных процесса в современном мире: *гомогенизацию* и *гетерогенизацию* [9]. По своему содержанию глокализация направлена против тех концепций глобализации, которые выстраиваются на теории становления унифицированной мировой системы транснациональных связей и исключают какие-либо несходства и различия. То есть Р. Робертсон обосновывает идею так называемой культурной глобализации, которая отрицает возможность полного преодоления в мире культурного разнообразия. *Культурная глобализация* не угнетает, не нивелирует культурное разнообразие, а сохраняет и даже актуализирует культурную локализацию, но осуществляет это не за национальными, а за другими разнообразными признаками. В отличие от классической экономической и социологической теорий глобализации глокализация стремится осмыслить современные процессы в понятиях теории культуры. В глобализованном мире спрос на культуру не может быть ограничен какими-либо национальными барьерами, он должен диктоваться

исключительно потребностями и запросами отдельного человека. Право каждого на такой выбор является базисным условием существования культуры в глобальном масштабе. Только оно способно обеспечить равенство людей. Ни одна из национальных культур не является «образцом для других национальных культур, равно как не может считаться современной, будучи наглухо огражденной от них» [7, с. 97]. Поэтому мультикультурализм, как форма сосуществования разных культур и их носителей в одном обществе, в едином правовом социокультурном пространстве, как форма решения национальной проблемы в культуре, целью которой является сохранение с помощью рычагов государства культурных особенностей и традиций, является не только малопродуктивной, но и такой, что провоцирует новые конфликты. Культурная идентичность в современном обществе должна строиться не на обязательных предписаниях, которые регламентируют жизнь человека в том или ином сообществе, а на его свободном культурном выборе, не нарушающем при этом свободы выбора других. Безусловно, это не исключает права каждого отдельного народа либо этнической группы на свободное культурное самоопределение. Главное, чтобы реализация этого права диктовалась не соображениями ошибочно интерпретируемой этнической солидарности, идеологическим прессингом со стороны государства либо определенной группы, а личным выбором самого индивида. В противном случае, когда идеи искусственного сохранения с помощью государства культурных особенностей противопоставляются идеям равного участия в публичной жизни всех членов общества (независимо от их этнической принадлежности) разрушаются основы стабильного развития и демократии.

Видимо, именно этот алгоритм демократически-эгалитарной политики, которая означает не только сохранение культурного разнообразия, но и расширение демократического участия людей в процессе межкультурного взаимодействия, детерминируя становление новых культурных групп и их инкорпорацию в гражданское общество, должен стать стратегией современного государства относительно собственной культуры. Принципиальной новизной этого алгоритма является *антропологический ключ* к пониманию стратегий идентичности и гармонии баланса составляющих формулы «единство мира и разнообразие культур», который предусматривает формирование особенного, диалогического способа мышления.

Концепция межкультурного взаимодействия субъектов образовательного процесса эпохи постмодерна и ее стратегические цели

Проблема межкультурного взаимодействия лежит не только в центре внимания политиков, философов, культурологов и социологов, но и многочисленного педагогического сообщества. И это закономерно. Здесь она приобретает особую актуальность. Большинство педагогов с большой обеспокоенностью констатируют рост националистических настроений,

особенно среди этнических меньшинств. Они усматривают проявление подобного этноцентризма во враждебности коренных меньшинств как к доминирующим этническим группам, так и к новым субкультурам мигрантов. Его источники прослеживаются в последствиях образовательной ассимиляции и «культурном геноциде» этнических меньшинств. У связи с этим во многих странах мира необходимость поликультурного образования и воспитания становится стратегией исключительной важности. Эта позиция прослеживается во многих документах и резолюциях ООН, ЮНЕСКО, Совета Европы, в которых подчеркивается, что одной из важнейших функций современного образования является задача научить людей жить вместе, помочь им превратить возрастающую взаимозависимость государства и этносов в осознанную солидарность. С этой целью образование должно способствовать тому, чтобы, с одной стороны, человек осознал свои корни и тем самым мог определить собственное место в мире, а с другой – привить ему уважительное отношение к другим культурам. В 70-е годы прошлого столетия в западной интеллектуальной культуре для обозначения этого процесса возникло понятие «Multicultural education». В «Международной энциклопедии образования» ему было дано следующее определение в образовательном измерении: «...педагогический процесс, в котором репрезентируются две или более культур, различающиеся по языковым, этническим, национальным либо расовым признакам» [11, p. 3963].

Несмотря на исключительную важность проблемы и достаточно высокий уровень исследований ее отдельных аспектов, в мировой педагогической теории и практике не существует какой-то целостной концепции *поликультурного образования*. Хорватский культуролог Санина Драгоевич, суммируя наработки по проблеме межкультурного взаимодействия субъектов образовательного процесса, отмечает, что сегодня в мире существует, по крайней мере, четыре основных концепции поликультурного образования: 1) собственно мультикультурное образование, которое сосредотачивает внимание не на межкультурном обмене и взаимовлиянии, а на сохранении культуры существующих этнических меньшинств; 2) интеркультурное образование, направленное на обеспечение активного, позитивного диалога культур, их взаимопонимание и взаимообогащение; 3) транскультурное образование, которое ориентируется на систему ценностей, сформированную на наднациональном (транснациональном) уровне и 4) культурплюралистическое образование, стержневой идеей которого является уважение и поддержка всех существующих в обществе культурных запросов и способов жизни (не только культур этнических, языковых, религиозных, но и сексменьшинств, сельских субкультур и т.д.) [3].

Каждая из этих концепций, несмотря на их разновекторность в достижении стратегических целей («единство мира и разнообразие культур»), неминуемо соотносит культурную и национальную идентичность. При этом нация попадает в сети транснациональности либо

ультранациональности, а культура – в ситуацию поликультурности, что неизбежно ведет к ограниченности этих концепций и вызывает у современного человека беспокойство и тревогу. Вне этих концепций остается то, что идентичность сегодня характеризуется динамичностью, множественностью и контекстуальностью. Не принимается во внимание, что идентичность это не свойство (то есть нечто присущее человеку с самого начала), а процессуальность и свобода индивидуального выбора. А это означает, что успешной может быть лишь такая концепция поликультурного образования, которая строится на внедрении идей уважения к каждому индивиду как самоценности. Глобализация и культура трайбализма, на основе которых построены существующие концепции, несостоятельны преодолеть нелюбовь к другому, ибо игнорируют ценности отдельного индивида как наиболее высокой земной ценности. «Глобализм и трайбализм, – справедливо отмечает Бенджамин Барбер – разрывают современный мир» [10, p. 432].

В этой ситуации одним из главных принципов реформирования образования в поликультурном мире должен стать антрополого-культурологический подход, который направляет систему образования на диалог с культурой человека как ее творцом и субъектом, способным к культурному саморазвитию. Современный (фактически маргинальный) человек находится на «границе» культур, взаимодействие с которыми требует от него диалогичности, понимания, уважения к культурной идентичности других людей. И речь идет здесь не об этнических группах, нациях, а о конкретных их представителях. То, что сегодня традиционно называют дружбой народов, – не совсем точное понятие. «Дружат не народы, а люди, что представляют разные народы, но только в случае приобретения ими индивидуальной идентичности, что выводит их за пределы собственной этнической группы, дает возможность приобщиться к ценностям более высокого порядка» [7, с. 97]. То есть новая концепция поликультурного образования должна быть сориентированной на человека и на культуру, быть культурологической. Ее цель – человек, который познает и творит собственный культурный мир путем диалогического общения с внутренней и внешней культурной средой. Межкультурная коммуникация, построенная на этой концепции, обуславливает особое коммуникационное поле смыслового перекрестка. В процессе общения с «Другим» и его культурой проявляется взаимодействие индивида с социально определенными ролями, ценностями, нормами и обычаями, установками и ожиданиями, которые личность должна выбирать и репродуцировать с целью достижения идентичности в сложном процессе взаимного признания. Социальный запас знания, приобретенный человеком в процессе межкультурной коммуникации, выступают условием принятия и понимания «Другого», общения с ним и предоставляет в его распоряжение схемы типизации, необходимые для большинства ежедневных дел обыденной жизни, обуславливают формирование его собственного «Я» на основе баланса индивидуальной и гражданской идентичности. Это никоим образом не деформирует национальную идентичность.

Безусловно, понимание ценностей разными этническими группами может отличаться и часто очень существенно. Но в ткани духовности, как известно, всегда существуют значимые для всех ценности, которые не только не вызывают противоречий между представителями разных национальностей, но и находят среди них понимание и поддержку. Такими нациоконсолидирующими ценностями должны быть именно те, в которых утверждаются определяющие для большинства общекультурные ценности как, например, отвращение к несвободе, защита достоинства и прав каждого человека, стремление к самореализации (которые, к тому же, не поддаются временной эрозии). Только на этой основе могут выстраиваться механизмы смысловой дополнительности, взаимного обмена ценностями и взаимопонимание, от эффективности работы которых зависит способность человечества стать истинно человеческой общностью, объединенной не только общностью глобальных опасностей, но и общностью солидарных действий и общим смысловым полем, которое следует назвать глобальным мировоззрением.

Таким образом, главными требованиями концепции поликультурного образования эпохи постмодерна должны стать, *во-первых*, принципы диалогичности, открытости и толерантности. Сегодня мы должны научить молодежь ценить многообразие культур и осуществлять это следует скорее путем диалога, нежели синтеза, в котором кроется опасность потери возможностей для их дальнейшего развития. А самое главное средствами диалога мы получим возможность осуществлять реальную взаимность, и вместе с тем избежать «господства – подчинения» (Ж. Деррида), негативные последствия которого являются такими очевидными сегодня. *Во-вторых*, принцип личностного центризма, который ориентирует не на искусственную консервацию способа жизни того или иного народа, а представляет каждому индивиду (а не только народу вообще) право на свободное культурное самоопределение. Культура чем дальше, тем больше будет развиваться в направлении уже не столько национальных, сколько индивидуальных различий и особенностей, которые подпитываются культурным капиталом всех народов мира. *В-третьих*, принцип критической культурно-исторической памяти, как репрезентативной формы действительности. Культура как мир нашего существования пронизана памятью, что органически вплетается в ткань современности. Какая-либо социокультурная трансформация (а именно ее мы переживаем сегодня) связана с обращением к прошлому. Каждое такое обращение обогащает современность, по-своему понимает ее, формируя необходимую почву для движения вперед. Обращение каждого народа к своему национальному прошлому, если оно не было обусловлено стремлением отмежеваться от других народов и их культурного опыта, было плодотворным, поскольку обогащало, расширяло собственные культурные горизонты. Но не следует забывать, что некритический и слишком сосредоточенный взгляд в глубины истории, может негативно влиять на процесс межкультурного взаимодействия,

создавать условия для деформаций исторической памяти и искушения для новых национально-культурных утопий.

Основными стратегическими ориентирами такого поликультурного образования должны стать: а) воспитание национального сознания на основе культурного плюрализма, который требует «мыслить глобально, действовать локально»; б) воспитание культуры межнационального общения путем включения человека как субъекта межкультурного общения в различные виды деятельности по созданию культуры; в) воспитание интеркультурной коммуникабельности личности. Животворный императив «к прошлому – благодарность, к сегодняшнему – действие, к будущему – ответственность» должен стать основой концепции поликультурного образования. Ее целью – формирование глобального мировоззрения посредством осознания себя частью этноса, государства и человечества в целом путем свободы, толерантности, признания многообразного, солидарности и ненасилия.

Безусловно, эта концепция может стать реальной политикой в сфере образования и воспитания при условии: (1) соответствующей культурной политики государства, которое провозглашает поддержку культурной самобытности каждого народа, что дает возможность всестороннего развития человека, утверждения его достоинства в контексте жизнетворных сил культуры собственного народа; (2) усовершенствование учебных программ начального, среднего и высшего образования и дополнение учебных планов такими дисциплинарными курсами как «межкультурная коммуникация», «этнопсихология», «критическая педагогика», «гражданское образование» и т.д.; (3) создание новых учебников и усовершенствование существующих, исключив какие-либо проявления пропаганды национального либо культурного превосходства и разжигания ксенофобии; (4) продуцирование новых методов обучения, которые базируются на практико-ориентационной деятельности (информационно-поисковой, регуляторно-принудительной, культурно-ролевой, партнерско-межкультурной и т.д.).

***

Несмотря на то, что ни политики, ни философы, ни социологи, ни культурологи еще не имеют конкретных ответов на вызовы глобализованной эпохи, однако (и в обществе, и среди ученых) уже существует твердое убеждение, что в качестве основных подходов к решению глобальных проблем нужны качественно новые императивы ненасилия, равноправного диалога и солидарной демократии. А это значит, что в обществе крепнет осознание разрушительной силы идеологии доминирования, которая, к сожалению, еще определяет вектор развития социально-культурных и геополитических систем. Принципом, отвечающим современной глобальной ситуации в мире, должен стать *«ацентризм»*, который отрицает выстраивание любых привилегированных центров доминирования (Земли – в Космосе, человеческого рода – в живой и не живой природе, стран Запада – в мировом сообществе, христианства – в религиозном мире и т.д. и т.п.). В этом деле не следует мечтать, якобы все зависит от определенного круга мыслителей, научных экспертов, церковных иерархов или политиков,

которые выстроят новую модель мира и внедрят ее в жизнь. Их позиция может лишь придать ускорение движению нашей общей адаптации к глобальным изменениям с целью осознанного отношения к формированию нового мировоззрения, которое базируется на принципах глобальной этики и глобальной ответственности человека. Нобелевский лауреат мира Далай-лама XIV писал, что большинство проблем вызвано *исключительно ошибками человека*, и они могут быть решены *лишь усилиями самых людей*. «Мы обязаны помнить, что различные религии, идеологии и политические системы мира существуют для того, чтобы люди могли быть счастливыми. Мы не должны забывать эту основополагающую цель и никогда не должны ставить средства выше цели: всегда следует сохранять приоритет человечности над материальными интересами и идеологией» [4, с. 150].

Ценности всех идеологий по большому счету относительны. Не относительными являются только ценность самой жизни. Только по отношению к этой фундаментальной ценности они находят валидность для каждой конкретной личности, только лишь с ее помощью они могут приниматься и переживаться ею. Разнообразие культур, религий, способов жизни, традиций – природное состояние человечества, свидетельствующее о его крепком здравии. Если руководствоваться этим, то проблема разнообразия культур, ценностей и норм, религий и идеологий выступает не в свете неминуемых конфликтов, а как цельное образование, которое функционирует за принципами дополненности. Следовательно, постановка проблемы равноправного диалога и взаимоуважения, а отсюда ненасилие, справедливость и взаимопонимание только лишь приближают к реализации важнейшей цели любой культуры, религии, идеологии – безопасности каждой конкретной жизни.

Примечания:

1. Бодриар Ж. Общество потребления. – М., 2006.
2. Глобализация и мультикультурализм. Монография. Отв. ред. Кирабаев Н.С. – М.: Изд-во РУДН, 2005.
3. Гриценко О.А., Гончаренко Н.К., Мягка Є.А. Українські типології меншин. – www.Culturalstudien.in.ua.
4. Далай-лама XIV. Буддизм Тибета. М., 2009.
5. Кримський С.Б. Ефект високого неба. // Сила м'якого знака, або Повернення Руської правди. За ред. Л. Івшиної. Вид-во ПрАТ «Українська прес-група», Київ, 2011.
6. Малахов В. Національна держава, національна культура і культурний суверенітет // Філософська думка, № 4. – 2011.
7. Межуєв В. Діалог як спосіб міжкультурного спілкування в сучасному світі // Філософська думка, № 4. – 2011.
8. Саух П.Ю. Сучасні виклики глобалізованої епохи: суспільство і церква в пошуках відповідей // Україна і Ватикан: до і після Другого Ватиканського Собору. Науковий збірник. – К.: УАР, 2013.

9. Саух П.Ю. Модель полікультурної освіти як соціальної інновації в контексті реальних процесів міжкультурної взаємодії // Креативна педагогіка. № 4, 2011.
10. Barber B. Fihand vs. Mc. Word: how Globalism and Tribalism are Reshaping the World. – New York: Ballantime, 1996.
11. International Dictionary of Education. Vol. 7. – Oxford, 1994.
12. Stevenson N. Globalization, national cultures and cultural citizenship // Sociol. Guart. Vol. 38, № 1. – Berkeley (Cal.), 1997.

P.Yu. Saukh
Zhytomyr
Yu.P. Saukh
Kiev

MULTICULTURALISM: BRILLIANCY OF THEORY AND PRACTICAL INCONSISTENCY OF PROJECT IN REAL PROCESS DISCOURSE OF CROSS-CULTURAL INTERACTION

The article presents an attempt to interpret a new pluralistic type of civilization, where not only complication of type identification arises, but multiplication of identity groups (professional, gender, regional, etc.) as well. In this connection real opportunities of theory of multiculturalism are disclosed and practical inconsistency of its strategies is substantiated. The cultural-anthropological approach is proved to be used for the harmony of both sides of the formula “one world and many cultures”. Instead of national, ethnic, religious or any other group, the core of this approach should be a person as a liberal value, who has the right to freedom of choice.

Key words: globalization, multiculturalism, identity, glocalization, tolerance, multicultural education, acentrism.